

Dmitri Tsvetkov, Vadja keele grammatika. Koostanud ja toimetanud Jüri Viikberg, Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2008. IX, 169, [5] с.

Д. П. Цветков в 1922 году составил грамматику водского языка, надеясь, что этот труд «когда-нибудь окажет хоть небольшую услугу в деле изучения и широкого освещения вопросов о народностях унгро-финской группы», т. е. финно-угорских народов (с. 4). Грамматика долгое время оставалась в рукописи, прошло 85 лет, прежде чем она превратилась в прекрасно оформленную книгу.

Специалисты прибалтийско-финских языков довольно хорошо знают автора рассматриваемого произведения — Дмитрия Павловича Цветкова (1890—1930), однако остальных следовало бы вкратце познакомить с его биографией, тем более что до сих пор отсутствует его жизнеописание на русском языке, кроме коротких некрологов, опубликованных в свое время в газетах.

Д. П. Цветков родился в водско-ижорском селе Краколье (вод. *Jögöperä*, иж. *Joenperä*) Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии. После окончания Гатчинской педагогической семинарии он стал учителем в Нижне-Ууксуской министерской школе в Карелии, у Ладожского озера. В 1914 году молодой учитель продолжил учебу в Петербургском педагогическом институте, где занимался лишь пару лет. В годы первой мировой войны Д. П. Цветков воевал в составе царской армии в Буковине, затем участвовал в боях Ингерманландского полка за освобождение Ингерманландии от власти большевиков, что лишило его возможности впоследствии вернуться в родные края.

В 1920 году Д. Цветков начал работать учителем в д. Венкуль. Именно там он составил рукописные грамматику и словарь водского языка и стал переводить русскую литературу на водский язык. По предложению Лаури Кеттунена в 1923 году Д. П. Цветков поступил в Тартуский университет. Он мог бы стать первым в мире вотологом, т. е. специалистом по водской филологии, но

не хотел этого, стал штудировать славянскую филологию и в 1928 году защитил магистерскую диссертацию о взглядах Льва Толстого. Л. Кеттунен ходатайствовал о стипендии Д. Цветкову для составления словаря водского языка. У стипендиата возникли проблемы с получением пособия из-за его русофильских взглядов. Каталог водского языка, точнее кракольского субдиалекта, оставшийся не законченным, является его основным трудом. Он был опубликован лишь по истечении 70 лет в Финляндии (Tsvetkov 1995).

После окончания университета и защиты диссертации Д. П. Цветков поступил на работу учителем-руководителем Комаровской начальной школы в эстонской части Ингерманландии. Но через год он успешно прошел конкурс на пост учителя Алайыэской (Олешницкой) начальной школы в Причудье. Там он успел поработать только в течение одного учебного года. У Д. П. Цветкова были проблемы с прекрасным полом, во время летних каникул он застрелился в Нарве и был похоронен на кладбище Ивангорода.

При жизни Д. П. Цветкова увидел свет лишь краткий обзор о настоящем и будущем водского народа на эстонском языке (Tsvetkov 1925). Однако посмертно опубликованы полный текст этого же обзора на водском языке в фонетической транскрипции (Tsvetkov 1931), а также статья об обычаях, связанных с жизненным циклом вожанина (Tsvetkov 1931—1932). На эти труды довольно часто ссылаются при изучении водского языка и водской культуры.

Приступим к анализу рецензируемой книги. В ее послесловии редактор Юри Вийкберг, известный также своими вотологическими трудами, рассказывает вкратце о пути создания рукописи, ее хранении, принципах публикации и составных частях книги, а также о людях, благодаря которым рукопись стала книгой. Грамматику перевела на

эстонский язык Ада Амбус, которая известна читателю также статьями в области филологии. Материал ввела в компьютер Силья Грюнберг, одна из составителей большого словаря водского языка, оформила и сверстала книгу Мерле Моорла. Расходы на печатание оплачивал большой друг водского народа, ныне покойный инженер Кальо Кяэрик из Швеции.

Две трети книги (113 с.) составляют русский текст оригинала на четных страницах и перевод на эстонский язык на нечетных. Таким образом книга стала доступна всем филологам, владеющим эстонским или русским языком. Тексты и переводы снабжены относительно краткими, но детальными комментариями (с. 115—118). Ценны приложения: 1) список водских слов, встречающихся в грамматике в качестве примеров, напечатанных кириллицей и переведенных на русский и эстонский языки (с. 119—138), и 2) список слов с соответствиями в словаре Д. П. Цветкова (с. 139—164). При этом в виде отдельного списка приведены те слова из грамматики, которые отсутствуют в названном лексиконе (с. 165—166). Списки в значительной мере облегчают изучение водской лексики в целом и идиолекта Д. П. Цветкова, в частности.

Далее дается краткий обзор жизни и деятельности Д. П. Цветкова и приводится почти исчерпывающий список архивных и литературных источников. Сюда можно добавить только название сборника текстов на котельском и копорском диалектах с переводами на кракольский диалект. Материалы записаны Л. Кеттуненом и переведены Д. П. Цветковым (Kettunen, Posti 1932): в данный сборник включен также водский перевод рассказа А. П. Чехова «Ванька» (с. 144—152).

В качестве иллюстраций к грамматике даны пять цветных страниц рукописи, включая титульный лист, фотографию молодого Д. П. Цветкова и копию карты петербургского этнографа и статистика Петера Кёппена середины XIX века. Рецензируемая книга составлена, переведена и отредактирована аккуратно и со знанием дела.

Как оценить эту работу в наше время, если автор и сам критически признавал, что «моя грамматика водского языка не претендует на строгую научность, в ней много недочетов и неразгаданного, как в первом, далеко не все исчерпывающем опыте» (с. 4). Частичный ответ дают комментарии к тексту грамматики. Д. П. Цветков назвал свою рукопись первой грамматикой водского языка. В действительности это не так (см. Эрнитс 2008 : 218). Однако верно то, что он впервые составил грамматику кракольского диалекта, точнее говора д. Краколье.

Труд Д. П. Цветкова описывает в основном фонологию и морфологию языка. Автор создал своеобразную орфографическую систему на основе кириллицы, снабдив русские буквы двумя точками для обозначения *ä, õ, ü* (с. 6—8). Кроме того, он применил знак *ù*, который, по его утверждению, обозначает звук между *i* и *õ*, например, в лексеме *мэри* 'море' (с. 8). На самом деле, этот звук ничем не отличается от обычного *i*. Составитель грамматики записал долгие гласные, как и следует, двойной графемой. По примеру русского языка Д. П. Цветков ошибочно выделил твердые (*a, э, ù, o, y, ы*), мягкие (*я, e, ё, ю, и*) и смягченные (*ä, õ, ü, я*) гласные. Утверждение, что вод. *õ* (графема *ы*) соответствует по произношению рус. *ы*, неверно (с. 6). Автор отметил, что во многих случаях в конце слова встречается очень краткий звук, сходный с *õ*, который он передал в виде апострофа: *саппыг'* 'сапог', *чэн'* 'кто' и др. (не *саппõг'*, как на с. 9). При этом имеется дело с ультракратким звуком в первом слоге. Однако он чрезмерно теоретизировал данное явление и часто употреблял апостроф без необходимости, как и в упомянутом слове *чэн'*. К сожалению, Д. П. Цветков не рассматривал в своем труде ни гармонию гласных, ни сандхи.

Д. П. Цветков записывал долгие согласные также двумя графемами. Для обозначения звука *j* он непоследовательно употреблял то твердый знак, то *й*, то обе графемы, например, *варьё* 'прикрытие', *арйы* 'грива; скребница' и *чирьйид* 'книги' (с. 8, 26). Он выделил

комбинаторный первый элемент звуко-сочетания *nk* [*ŋk*], по праву сравнивая с аналогичным звуком в финском языке, но ошибочно называя его гортанным звуком (с. 8).

Об этой главе можно констатировать, что Д. П. Цветков дал упрощенный обзор водской фонологии. Он не располагал ни одним из пособий по фонологии родственных языков, что способствовало бы лучшему пониманию звуков родного языка. Внимания заслуживает создание довольно точного и последовательного обозначения водских звуков на основе кириллицы, поэтому грамматику Д. П. Цветкова можно считать ценным и весьма благонадежным источником примеров при изучении отдельных слов, их склонения и спряжения.

Более детально автор грамматики рассмотрел морфологию существительных. Он выделял в водском языке 14 падежей, однако их названия и последовательность довольно странна (с. 12): пять названий, хорошо известных по морфологии русского языка, и девять названий, по всей видимости, им придуманных, однако они в большинстве случаев создают путаницу. Так, у него встречаются три родительных падежа (в значениях партитива, адессива и абессива). Формальным примером послужила ему, по-видимому, какая-то грамматика церковнославянского языка, в котором имеются двойные падежи, в том числе и два родительных (Грамматика церковнославянского языка 2007 : 122—131; Хабургаев 1986 : 247—248).

Под влиянием грамматик родственных языков Д. П. Цветков считал аккумулятив самостоятельным водским падежом (впрочем, как и Ariste 1948 : 23—24). В книге не упомянуты малопродуктивные эксцессив, инструктив и др. Иногда автор чрезмерно теоретизировал в отношении некоторых грамматических явлений, в том числе илллатива. В его грамматике этот падеж всегда снабжен эмфатическим приращением *-se/sõ*. Как известно, даже сам он не часто употреблял его в своей статье (Tsvetkov 1931), не говоря уж о других носителях кракопольского диалекта (Ariste 1989 : 55, 56).

С другой стороны, московский филолог Т. Г. Агранат (2007 : 74) написала об илллативе современного водского языка, что в отличие от лужицкого говора, в кракопольском он имеет показатель *-se*. Ошибся ли П. Аристэ? Несомненно, нет. Дело в том, что в течение последних десятилетий *-se/-sõ* стал встречаться все чаще. Эту тенденцию показывает учащение употребления данной формы в речи людей, родившихся ближе к концу XX века: в рецензируемом исследовании в 1870, 1910 и 1922—1935 гг. Формы на *-se/-sõ* употребляются соответственно в 13,44 и 86% случаев использования илллатива. При этом следует подчеркнуть, что данные проценты ориентировочны, поскольку мы имеем дело с формальным подходом, без учета возможной эмфатической функции и без применения точных математических методик исследования. Предварительный подсчет кракопольского материала проведен автором этих строк на основе ранее опубликованных текстов (Ariste 1941; Heinsoo, Kuusk 2002; 2004).

Выделение типов склонения существительных, предложенных Д. П. Цветковым, следует считать довольно примитивным. Он механически разделил все существительные на шесть типов, не учитывая при этом ни чередования ступеней, ни других характеристик (с. 14—30). Часть морфонологических изменений не рассмотрена, например, чередование *s ~ h*, хотя в другом месте в качестве примера приведено склонение слова *tees* 'мужчина' (с. 24).

Д. П. Цветков классифицировал прилагательные как качественные, относительные и прилагательные-существительные (с. 30). Под последними он подразумевал сложные существительные типа *тало пойк* 'крестьянин' (лучше *тало-пойк* букв. 'хутор + сын'). Кроме склонения исконных водских прилагательных, Д. П. Цветков привел примеры склонения прилагательных с окончанием *-ный* русского происхождения (напр. *нервный тјттö* 'нервная девочка'), а также собственных имен (*Павел Петрович* и *Михалка Ондрэ*; с. 38, 40).

Имена числительные он разделил на количественные, порядковые, собира-

тельные и дробные (с. 40). Как отмечено в комментариях к тексту, правильное было бы т. н. собирательные числительные (*кахы* 'вдвоем', *мылыпт* 'оба' и др.) отнести к наречиям (с. 46, 116). Далее приведен обзор склонения количественных и порядковых числительных, а также слова *мылыпт* : *мылыптд* (с. 46—56).

Местоимения распределены на личные, возвратные, притяжательные, вопросительные и другие категории (с. 54). Неоправданно в качестве притяжательных рассмотрены *мину* 'мой', *мэрдэ* 'наш' и др. Номинатив супплетивного возвратного местоимения *изэ* 'мой' представлен среди определительных местоимений. В последнюю группу включены разного рода местоимения, а также другие части речи: *кыйк* 'весь, все', *кыйки* 'все (вместе)', *йыка* 'каждый', *сама* 'самый', *кумп* 'который', *ыйкы* и *кыйккас* 'самый'. Отсутствует возвратное местоимение *tõin-tõizõõ* 'друг друга'. Далее следует парадигматика разного рода местоимений (с. 56, 58, 60). Автор необоснованно утверждал, что некоторые притяжательные, вопросительные, неопределенные и другие местоимения не склоняются, хотя в дальнейшем приведено склонение *эбнй-чэн* 'никто' (ср. с. 54 и 62). Большой интерес представляют формы местоимений с притяжательными суффиксами *энтэс* 'себя' и *энеска* 'с собой' (с. 56). В других случаях посессивные суффиксы внимание Д. П. Цветкова не привлекали, однако в словаре он использовал их, как известно, даже чрезмерно.

Глагол во многом описан поверхностно (с. 62—102). Автор рассматривал в логической последовательности все спрягаемые и склоняемые формы сначала на примере *лаулома* 'петь'. Начиная со с. 82 примером служит *чўсўмә* 'спросить', а со с. 92 и далее приведены всевозможные формы глаголов *ылымма* 'быть' и *нйсыма* 'стать'. В отличие от типов склонения, подразделение самих глаголов на типы не проводилось. При составлении водской грамматики автору послужил одним из образцов учебник эстонского языка писателя и педагога Эрнста Петерсона-Сяргавя, в

котором описаны несколько типов склонения, но при рассмотрении спряжения в виде парадигматической таблицы приведено лишь слово *jagama* 'делить' (Peterson 1921 : 94—95). Местами у Д. П. Цветкова слишком мало примеров для объяснения теоретических вопросов.

В конце дан краткий обзор остальных частей речи (с. 102—112). выделены наречия времени, места и образа действия. К последним причислены и *сакса* 'по-немецки', *рооцица* 'по-шведски', *латтия* 'по-латышски' (с. 104). В более поздних трудах, в том числе и в грамматиках финского языка, подобного рода партитивные слова не считаются наречиями. В той же главе рассмотрена усилительная частица *-õi*, а вопросительная частица *-ko* 'ли' необоснованно отнесена к союзам.

Для обозначения предлога и послелога автор использует одно и то же понятие — предлог. Примеры классифицированных наречий и союзов даны в виде предложений, а междометия — только списком.

В грамматике Д. П. Цветкова учению о словообразовании отведено относительно мало места. Так, не описана деривация порядковых числительных. Среди деривационных элементов существительных приведены, кроме гетуинского уменьшительного суффикса *-kkõin* (*поюккыйн* 'маленький мальчик' < *пойк* 'сын'), лишь некоторые суффиксы русского происхождения, как *пальтишк* 'пальтишко', *Митьк* 'Митька' и др. (с. 10, 12). Образование имен прилагательных рассмотрено только с помощью *-ыйн* и *-ин* (с. 36). По-видимому, в результате чрезмерной теоретизации созданы деадъективные *каркыйн* 'горький' (< *карка* 'горький'), *мусыйн* 'черный' (< *мусс* то же) и др. (с. 36), которые, к счастью, в его словаре отсутствуют. В книге говорится только о деривации наречий с помощью показателя транслатива *-ssi* (*оокасси* 'дешево' от *оока* 'дешевый') и аллатива *-ll(a)* (*пылвилла* 'на коленях') (с. 104, 106).

Хотя грамматика Д. П. Цветкова краткая и в ней имеются серьезные проблемы и неточности (в частности, классификационного порядка), она дает до-

вольно хороший обзор своеобразия структуры водского языка, ибо его автор замечательным образом владел своим родным говором и изложил материал довольно целесообразно, оставляя в стороне многие второстепенные факты. Похвалы заслуживает, несомненно, точная запись водских слов. Поэтому, несмотря на все замеченные и незамеченные недостатки, книга Д. П. Цветкова остается ценным источником для исследователей водского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что многие примеры из рассматриваемой рукописи использовал, например, Пауль Аристэ.

В заключение хочется констатировать, что опубликование данной грамматики по истечении нескольких поколений людей обрадует, по всей видимости, каждого вотофила, а также других специалистов, в сферу интересов которых входят финно-угорские, в частности прибалтийско-финские, языки.

Address:
Enn Ernits
Estonian University of Life Sciences
E-mail: ennernits@hotmail.ee

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А г р а н а т Т. Б. 2007, Западный диалект водского языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков, Москва—Гронинген (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 26).
- Грамматика церковнославянского языка. Конспект. Упражнения. Словарь, Санкт-Петербург, 2007.
- Х а б у р г а е в Г. А. 1986, Старославянский язык, Москва.
- Э р н и т с Э. 2008, [Рец. на] Т. Б. Агранат, Западный диалект водского языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков, Москва—Гронинген (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 20), 218—223.
- А р и с т э, Р. 1941, Vadja keelenäiteid. — ACUT B XLIX₆, 1—92.
- 1948, Vadja keele grammatika, Tartu (Nõukogude soome-ugri teadused 9).
- 1989, Illatiiv vadja keeles. — Soome-ugri keelte grammatika ja sõnavara küsimusi, Tartu (Fenno-Ugristica 15. TRÜT 860), 40—61.
- Н е и н с о о, Н., К у у с к, М. 2002, Jõgõperä vadjalaste keeletekasutus 20. sajandi lõpus. — Keelekontaktidest keelevahetusest, Tartu (Fenno-Ugristica 24), 95—118.
- 2004, No ku tulõb unohtamizõõ kõrd, nii taitaa õma tšeele vai jääb. — Uralistika müüdid ja faktid, Tartu (Fenno-Ugristica 26), 17—35.
- К е т т у н е н, Л., П о с т и, Л. 1932, Näytteitä vatjan kielestä, Helsinki (MSFOu LXIII).
- Р е т е р с о н, Е. 1921, Algharjutused Eesti keele õigekirjutuse ja kirja-seadmise õppimiseks, Tallinn.
- Т с в е т к о в, Д. 1925, Vadjalased. — EK, 39—44.
- 1931, Vähäize juttua vad'd'ölai-siss. — EK, 57—66.
- 1931—1932, Vadja sünni-, pulma- ja matusekombeid. — Eesti Hõim (1931), 52—59; (1932), 18—21, 46—48, 52—54.
- 1995, Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Toimittanut, käänteissanaston ja hakemiston laatintu J. Laakso, Helsinki (LSFU 25).

ЭНН ЭРНИТС (Тырванди)